

УДК 061.302

А.П. Коркишко

Севастопольский национальный технический университет

ул. Университетская, 33, г. Севастополь, Украина, 99053

E-mail: root@sevgtu.sebastopol.ua

О МНОГОМЕРНОСТИ СОЦИАЛЬНО-ФИЛОСОФСКОГО АНАЛИЗА

Исследуются основные формы современного социально-философского анализа, высказываются гипотезы по их углублению и синтезу.

Ключевые слова: *философия истории, операционализация, измерение, концепт, денотат.*

Проблема теоретико-методологической «маркировки» философско-исторического исследования интервала XIX – начало XXI вв. мировой истории, как об этом можно судить сегодня опираясь на материалы недавних и сегодняшних разработок, начиная от работ К. Маркса, А. Бакунина, О. Шпенглера, А. Тойнби, Р. Коллингвуда, Т. Адорно, Ю. Хабермаса и кончая разработками недавно ушедшего от нас Э. Хоббсбаума и других параллельных направлений современного марксистского знания (например, пермской школы В. Орлова), зависли в интервале от дискуссии о природе власти (Маркс – Бакунин) и кончая концепцией «короткого XX века» Э. Хоббсбаума, которая извив истории XX века пытается трактовать, как своеобразный отход от исторической нормы.[1, с. 66-96]. Наблюдаемая нами познавательная ситуация стихийно формируется под влиянием фактора многомерности изучения такого сложного природного образования, каким является человек.

Если принимать заданный вектор социально-философского анализа, то тогда, в силу того, что он является по своей природе «социально-философским», нужно обозначать не только исходные теоретические понятия, но еще и обозначать схему операционализации вводимых понятий, приближая аналитическое поле, к возможностям социологического измерения, поскольку современная философия и социология уже образовали своего рода симбиоз. Выполнение этой задачи и представляет собой органический синтез теоретического и эмпирического. В данном случае мы абстрагируемся от вероятностной идеи локализации детерминационных полей, предложенной Ж.Ф. Лиотаром. Он исходил из мысли, как нам представляется, парадоксальной в своей основе. Логика дискурса реальной коммуникации у него трансформировалась в своего рода метанаррацию («метарассказ»), которая неявным для самого автора образом, превращалась в «социальный мир», поддерживающий практику социального управления. Действительно, идея локализации полей социальной детерминации рождалась в процессе определения, например, социально-культурного статуса двух высказываний: «Не кради» и «Не укради у Маргарет». Получалось так, что первое высказывание трактовалось как традиционный этический императив поскольку оно было обезличено, а второе – как конкретизация поведенческого стандарта изолированного социального индивидуума. Соединить эти высказывания между собой постмодернистская логика могла, – коль скоро происходило проникновение гуманитарных наук в друг друга, – только приняв модель гетерогенных языковых игр. Но тогда приходилось объяснять как «денотативные» (обозначающие) игры соотносятся с «прескриптивными» (действующими) играми [2, с. 96]. Если вспомнить начала логики, то перед нами предстают 7 классических объемных соотношения указанных понятий, начиная от эквивалентности и кончая контрадикторностью. Очевидно, что эта задача воспринимается как теоретическая, и Лиотар тут же изменяет фазовый режим высказываний и переходит из поля логических, логико-философских высказываний («классические метанарративы – мертвы», «с идеями Просвещения – покончено» и т.д.) в поле социального управления, т.е. в сферу социальных коммуникаций, в которой задача управления состоит уже не в поддержании «коллективного» тела метанарраций, а в сохранении хотя бы слоевого, точнее, микрогруппового разнообразия нарративов (именно отсюда берут свои истоки некоторые современные социальные технологии коммуникаций: однополые браки, ювентильная юстиция и т.п.). Говоря иными словами, постмодернизм, как, впрочем, и другие философские школы, обнаруживает перед собой необходимость осуществления декомпозиции социальной императивной конструкции, известной под названием «Слово и Дело».

Наиболее трудоемкая фаза, как оказалось, разработки философии истории – это обнаружение направления денотат-концептуальной связи названной конструкции, т.е. поиск соответствующих индикаторов. На первый взгляд, может показаться, что поиск объекта индикации очевиден – это сам человек. Тем более, что обладая даже минимальной историко-философской подготовкой, исследователь без труда обнаруживает искомый измерительный стандарт в самом человеке, ибо, как говаривал еще Протагор: «Человек – мера всех вещей». Как видно, проблема заключается не в том «что» искать, сколько в том «как» этот поиск реализовать.

Учитывая предельную сложность уже только осознания способа и характера связи признаков внутренней природы человека (внимание, воля, память и т.д. – психологический разрез; вес, рост, цвет кожи и т.д. – антропологический разрез; социальный статус, социальная роль и т.д. – социологический

разрез; и т.п.), не следует «обвинять» социальное знание за то, что внутреннему аспекту человеческой природы, оно предпочло внешний и согласно К. Марксу, пришло к выводу, что сущность человека коренится в «совокупности общественных отношений» [3, с. 3].

Подобное утверждение в социокультурном контексте XIX и начала XXI в. не совпадают ни по предмету, ни по значению, поскольку логика понимания и объяснения характерная для указанных временных интервалов не совпадают (вообщем-то об этом и говорит Ж.Ф. Лиотар, философ-идеалист XX в., когда вводит понятие «гетерогенные языковые игры»). Вот почему, уже в начале XX в., в России и возникает эффект «сдвига» общественного политического сознания, приведший к мощной структурной встряске системы общественных отношений («красногвардейская атака на капитал»), в результате которой должно было произойти, говоря современным информационным языком, переформатирование человека, т.е. человек обретал неизбежно новую природу, коль скоро совокупность общественных отношений так радикально изменилась. Однако заявленного ранее сдвига не наблюдалась ни тогда, ни сейчас.

Поэтому поводу возникло несколько версий. В данном случае нас интересует не политологический анализ предложенной понятийной схемы, а собственно логический оттенок проблемы. Очевидно, что вопрос о природных основаниях неантропа, который обязан был, почти как Голем, родиться в горниле социальных потрясений и, следовательно, социальная сфера его рождения должна была быть помещена в соответствующее концептуальное поле, которое должно быть определенным образом подготовлено в сфере культуры. Действительно, в этой точке социальной практики, как специфической формы исторического синтеза теории и эмпирии (и в виде идеологии, и в виде социального проектирования и контроля), и произошел разрыв концепт-денотатных связей, ответственных за обеспечение понимания грядущих задач. Произошло не только механическое разрушение указанной связи, но одновременно с этим были утрачены связи координации, соответствия между денотатом и различными слоями концептов в различных слоях культуры и философии прежде всего.

Именно во второй половине XIX в. случилось такое резкое расхождение принятой в марксистской доктрине концепт-денотатных связей, далее оно только росло и углублялось, когда творец замысла не имел возможности в дальнейшем влиять на общественное производство всей совокупности смыслов, вытекающих из предложенного им построения. Оказалось, что логика понимания и объяснения противоречили друг другу не только на бумаге, заставляя творцов оперировать с вводимыми ими базовыми смыслами используя компьютерную лексику, в режиме «умолчания». Справедливости ради, отметим, что подобное происходило не только с одним марксизмом – подобное смысловое расслоение мы видим и в других философских доктринах. Коль скоро смысловая интерпретация оставалась, по сути, бесконтрольной, в сфере общественного марксистского сознания начали бурно возникать сгустки смысловой турбулентности, которые нередко были по своей смысловой нагрузке несовместимы с оригинальной концепцией. Так, в частности, на наш взгляд, сложилась теоретическая судьба марксизма в историческом интервале 70-е годы XIX в. – начало XX в., когда смысловое искривление концепции вынудило, как известно, К. Маркса заявить о том, что он никогда «попом марксистского прихода не был». В других областях философского творчества так же довольно быстро закрепляется фигура социального поведения тождественная поведению побасенного Фомы, «родства не помнящего». В этой связи невольно вспоминаются такие «бунтари» как Ф. Ницше, Г. Маркузе, Ж.-П. Сартр, В. Райх, А. Гоулднер и др., точная классификация воззрений которых выглядит весьма затруднительной, хотя бы потому, что содержание их творчества не ложится ни на линейную шкалу марксистского социологизма (детерминистская модель), ни на шкалу традиционного историко-философского истолкования (социокультурная модель). Видимо, не случайно жизнь многих из указанных фигурантов исторического процесса совпадает с холодной войной, в которой. По мысли А.А. Зиновьева, выигрыш сопряжен с подлостью и завистью, потому что цивилизация «забыла» ценностные ориентиры [4, с. 327].

Подобная «забывчивость» косвенно подтверждается частой и внешне выглядящей непоследовательно сменой коммуникативно-смысловых кодов, консолидирующих социум. Здесь наблюдается широкий разброс общественных форм, культурной трансляции, начиная от традиций (линейная связь денотат – концепт), минуя хабитус (о нем собственно и говорит А.А. Зиновьев), и завершая нарративными конструкциями Лиотара, в которых изначально слабым местом было определение культурологического нуля в его абсолютных смыслах.

Указанное обстоятельство особенно волновало специалистов, разрабатывающих пограничные области, в частности соприкосновение философии и истории. В этой связи интересно обратиться к анализу воззрений пермской философской школы, которая, на наш взгляд, предельно обострила суть, поднимаемых проблем. Орлов В.В., как известно, полагал, выдвигая концепцию последовательного усложнения форм материи, – назовем его условно «принципом матрешки» – что человек выступает как исторический результат действия универсального закона материального обобщения, когда материя неуклонно интегрирует предшествующую ступень развития во вновь возникающем структурном уровне.

Ответственным, или причиняющим началом. Орлов В.В. считал механизм материального обобщения [5, с. 382]. В этой точке внутри школы произошло разделение взглядов на место и роль причиняющего начала. Орлов В.В. и Васильева Т.С. продолжали придерживаться традиционных взглядов, согласно которым на всем протяжении материального развития действует один и тот же и по форме и по содержанию и по внешнему по отношению к субстрату фактор, выраженный в виде магистрального направления развития имманентно присутствующего в нем самом, как *causa sui*. Другая точка зрения, представленная Оконской Н.Б. [6, с. 38, 87] исходила из иных соображений, суть которых в следующем, но сначала небольшое отступление, содержание которого в следующем.

На уровне постановки любой прикладной исследовательской задачи в области социальной философии неизбежно, как мы уже говорили, возникает проблема операционализации рабочих понятий. Если же переносить принцип материального обобщения в сферу социальной философии, что детерминировано смыслами орловской концепции развития, то тогда данная задача а priori выглядел нерешаемой.

Вот почему Оконская Н.Б. исходит из того, что социальное развитие, как таковое, опирается на социальную биологию, выступающую как основа общественного развития. Получается так, что фактор причинения мыслится уже не как внешнее по отношению к развитию условие, а является источником внутренней детерминации. Эмпирическим индикатором этого явления выступает личностная структура общества, подчиняющаяся эволюционным законам генетики *Homo sapiens* [6, с. 114]. При этом автор подчеркивает, что настаивает на осуществлении снятия неполноты и не системности имеющихся в истории теорий и методов изучения исторического изменения *homo sapiens*, имея в виду и материализм, и идеализм, и религиозное видение истории. Одновременно говорится о том, что этот отказ не является абсолютным, поскольку остается неприкосновенной фактология, которая накоплена внутри всех обозначенных мировоззренческих модулях «по субъекту и его отношению с объективным началом» [6, с. 115]. Последнее замечание весьма показательно: денотатная основа познания в целом объявляется универсальной, при сохранении самого широкого концептуального ядра. Перед нами неожиданная по форме предьявления иллюстрация функционирования гомоморфизма при конструировании денотатно-концептуальной базы, которая по определению уже не является линейной, потому что одному и тому же элементу из первого множества соответствует несколько второго.

Невольно на ум приходит методологическое сравнение изложенной концепции с уже упоминавшимися ранее лиотаровскими наработками через призму их отношения к теоретической реконструкции императива «Слово и Дело». На первый взгляд особой проблемы, связанной с осуществлением классификации указанных подходов нет, поскольку изначально ясным кажется утверждение, что пермская школа – это, безусловно, материалисты и, следовательно, логический акцент ставят на «Деле», а постмодернистская традиция – это, конечно же, идеализм и потому логическое ударение на «Слове» в известном смысле предопределено. Тем более, что очевидная внешняя разница материализма и идеализма, взятая в их классическом истолковании, невольно подталкивает нас к выводу о том, что и исходные положения той и другой философской теории отдельно существуют друг от друга.

Известная разница в реализации постановочных задач исследования для рассматриваемых школ имеется, и это бесспорный факт. Однако, так же бесспорно и то, что они, как уже говорилось, отталкиваются от единого фактологического основания. Отсюда следует вывод, что сам вектор денотатно-концептуальной направленности одинаков и для тех и для других, но в том, что именно считать денотатом при осуществлении операциональных задач, они кардинально разошлись.

Если пермская школа (материализм, как таковой, в целом) исходит из мысли (указанные выше различия между Орловым В.В. и Оконской Н.Б. здесь не существенны), что денотат – первичен и в этом смысле всегда материален, то их оппоненты прерывают концепт-денотатную связь произвольно, но, как правило, в тот момент, когда они фиксируют определенное смысловое значение.

В этом случае очень удобно вести аргументацию против оппонента, поскольку за вами остается возможность считать денотатом любой промежуточный концепт, с логической точки зрения прием беспроблемный, потому что, если в споре может возникнуть ситуация, когда нужно будет соглашаться с тем, что успешная критика аргументов не влечет за собой необходимости в снятии тезиса, можно будет, будто ненароком, свободно варьировать денотат, обвинить противную сторону в том, что она занимается подменой тезиса, т.е. тем самым разрушает основу своего доказательства. Учитывая еще различие в осуществлении логических режимов рассуждения – речь идет об операциях понимания и объяснения – становится ясно, что добиться логической прозрачности оппонирования становится очень сложно, т.к. если в отношении «объяснения» логическая оконтуренность более или менее очевидна для всех (и школа, и вуз как социальные институты культуры именно эту операцию мышления шлифуют), то в части «понимания» все далеко не так ясно и очевидно, особенно если уровень рассуждений вознести до уровня категориального анализа, касающегося, например, философии истории, с которой начинается настоящее изложение.

Становится понятным, зачем потребовалось приведенное выше логико-философское отступление. Очевидно, что с высоты методологической абстракции более ясно и четко проступают «предметные» контуры разных философских направлений, которые только на первый взгляд кажутся логически несовместимыми, Таковыми, заметим, их делают идеологические, этические, эстетические установки, но сами по себе они принимают то значение, которое мы придаем тому или иному интервалу разрыва денотат – концептуальной связи. Вот почему отмеченное в начале статьи разнообразие философских подходов к проблеме оценки исторической деятельности субъекта может внешне выглядеть (и скорее так оно и есть) как хаотическое размещение смыслов, воззрений, утверждений на многострадальном историческом полотне, однако для нас неоспоримым является утверждение, что мы говорим об истории, и как мы это делаем, в конечном итоге за рамки денотата «история» не выходит, а точнее, и выйти принципиально не может, если, конечно, не брать во внимание, предложенный Л.Н. Гумилевым анализ культурных антисистем, но последнее – не наша задача [7, с.579-594].

Последняя оговорка важна в том смысле, что она довольно точно очерчивает различие предметов анализа в ключе «дивергенция и конвергенция» (это скорее аспект социокультурной динамики общественно-политических устройств социума) и в ключе «денотат-концепт» (логико-философское различие). С точки зрения логической классификации первую группу признаков можно считать «присвоенной», а вторую – «собственной». Вот, на наш взгляд, почему в современном гуманитарном знании и возникает многослойное, порой даже не перекрещивающееся, концептуальное поле понимания, внутри которого неожиданно порою формулируется парадокс идентификации, когда становится неясно какой из выделенных слоев значений является собственным или присвоенным? В этой непростой ситуации наука находит весьма продуктивный, как ей хочется, шаг и старается провести четкую грань между научным и философским языком, превращая последний в ответственную сторону за возникающие смысловые затруднения. С этого собственно и начинается история позитивизма и все, что за ней последовало. Поэтому, на наш взгляд, было бы как раз контрпродуктивно, углублять заложенную еще, Риккертом, политическую традицию, направленную на расширение трещины между естественно-научным и гуманитарным языком, Классика этого расхождения основана на том, что слишком очевидны денотатные расхождения, чтобы говорить всерьез о концептуальном синтезе. Поэтому, дальнейшие усилия в этом направлении были объявлены иллюзорными. Только недавно математики, в частности, стали действительно осознавать необходимость созидательных усилий в двух направлениях, а именно:

- 1) создание онтологических оснований своих теорий;
- 2) создание специальных языков научной коммуникации «нечувствительным» к дисциплинарным различиям [8, с. 187].

Оба указанные направления представляют интерес, но второе непосредственно совпадает с темой нашего изложения. Если подобные задачи стали возникать в сфере классического научного исследования, то это неизбежно получает свое продолжение и в иных областях знания, в т.ч. и в областях философско-исторического знания т.к. законы эволюции познания универсальны. и обнаруживают себя как единство принципов полноты и простоты. Отсюда вытекает нетривиальное заключение о том, что вывод о несовпадении законов философии истории и математики строится на базе неполного представления о денотатной базе истории. Будь это представление более точным (мы имеем в виду не индуктивный, а модельный, системный смысл), математика более легко справилась бы с этой задачей.

Таким образом, осознание необходимости объединения всего знания в одно системное целое возможно в случае обнаружения и обозначения одного общего основания истории, т.е. человека. Здесь возможные пути раздваиваются. Путь, предлагаемый Оконской Н.Б., ведет к выявлению и изучению формулы личностной структуры общества (Это, по сути, заявка на применение математики в философии) [6, с. 73]. Расшифровка генетической формулы личностной структуры общества, таким образом, – это современная форма «Вызова».

Реализация этой задачи (мы говорим об этом, разумеется, в самых общих чертах), без сомнения, весьма интересна, но, на наш взгляд, она не снимает проблему денотат-концептной обусловленности, поскольку берет человека одновременно в двух ипостасях; он – и творец всего наличного бытия, и одновременно наблюдатель всего происходящего. Остается, на наш взгляд, нерешенным вопрос, в какой части утверждения и почему надо ставить логическое ударение?

Второй путь связан с необходимостью раскрытия концептуального ядра категории «человеческая деятельность», если исходить из мысли, то история есть история человеческой деятельности, которая всегда выступает в определенных конкретно исторических формах. Следовательно, эти формы могут рассматриваться как общественные опосредования человека, т.е. они внешнее обуславливание его исторического существования и более всего подходят в качестве денотатной основы его исторической эволюции. Ставить точку в конце этого рассуждения мешает то обстоятельство, что само понятие «человеческая деятельность» скрывает внутри себя конструкцию «Слово и Дело», которая нуждается, как было показано выше, в нетрадиционной декомпозиции, поскольку иное возбуждает традиционное столкновение «материалистов» и «идеалистов», которое всякий раз обостряется на почве денотат-

концептуальних неточностей соціально-філософського дослідження. Проблема стоїть не в тому, яка із сторін зробить перший крок вперед, а в тому, з якою метою. Важливо, щоб обидві сторони усвідомили свою відповідальність за забезпечення повноти, достаточності і непротиворічливості фактологічної бази, з якою дійсно можна оперувати. Очевидно, тоді картина сучасного наукового світу перестане угнетати нас ефектом «розбігаючихся галактик», з описання якого ми почали, а направить нас по шляху созидательного співробітництва, суттю якого не в половинчатості представлень наступного «ізма», а в пошуках науково-значимих процедур операціоналізації об'єктивно зафіксованого денотата філософії історії. Іншими словами узкосфокусовані методологічні підходи, коли думка з початку розміщується в прокрустово ложі заданих параметрів, страждають низкою продуктивністю, а пафос філософської опозиції, набуває ідеологічний відтінок.

Не випадково, життєвий і творчий шлях таких нестандартних мислителів, як Л.С. Виготський і Е.В. Ільєнков, був так непростою. Тому, звичайно ж, було не мало причин, але головне, на наш погляд, складалося в тому, що вони, і особливо Е.В. Ільєнков, прагнули до подлинному усвідомленню і використанню ідеї багатомірності соціально-філософського аналізу, який органічно випливає з логіки субстанціонального підходу. Е.В. Ільєнков переконливо, на наш погляд, виклав цю концептуальну схему в своїй роботі «Діалектична логіка» [9, с. 151-152], коли він зближив філософські ідеї Спинози і Маркса на максимально допустимій відстані, вказав, тим самим, напрямку руху творчого пошуку.

Відокремлюючи, в цілому, вказаний підхід, зауважимо, що автентичний характер теоретичних побудов, пояснюють місце і роль людини в історії реально досягнемо не способом гносеологічних декларацій, а в результаті наполегливих пошуків схем операціоналізації базових понять теорії. Тому не випадково Е.В. Ільєнков підтверджував точність своїх теоретичних конструкцій на роботі з глухоніми дітьми, яка сама по собі вже перетворилася в класику.

Бібліографічний список використаної літератури

1. Хоббсбаум Е. Епоха крайностей: Короткий двадцятий століття (1914-1991) / Е. Хоббсбаум. — М.: Вид-во «Незалежна газета», 2004. — 632 с.
2. Лютар Х.-Ф. Феноменологія / Х.-Ф. Лютар. — СПб.: Алетейя, 2001. — 384 с.
3. Маркс К. Тезиси про Фейєрбаха / К. Маркс // Соч. — Т. 3. — С. 1-4.
4. Зинов'єв А.А. Ісповідь отщепенця / А.А. Зинов'єв. — М.: Владос, 2002. — 560 с.
5. Орлов В.В. Основи філософії / В.В. Орлов. — Пермь: Вид-во Томського ун-та, 1991. — 447 с.
6. Оконська Н.Б. Еволюція і генетика суспільства в фокусі філософії / Н.Б. Оконська, Н.К. Оконська. — Севастополь: Вид-во ЧП Ареф'єв М.Є., 2007. — 204 с.
7. Гумілев Л.Н. Струна історії / Л.Н. Гумілев. — М.: Айріс Пресс, 2008. — 608 с.
8. Рузавин Г.І. Об особливостях наукових революцій в математиці / Г.І. Рузавин // Методологічний аналіз закономірностей розвитку математики. — М., 1989. — С. 180-193.
9. Ільєнков Е.В. Діалектична логіка / Е.В. Ільєнков. — М.: Політиздат, 1984. — 320 с.

Поступила в редакцію 25.03.2013 г.

Коркішко О.П. Про багатомірність соціально-філософського аналізу

Досліджуються основні форми сучасного соціально-філософського аналізу, висловлюються гіпотези щодо їх поглиблення та синтезу.

Ключові слова: філософія історії, операціоналізація, вимір, концепт, денотат.

Korkishko A. A multi-dimensional social-philosophical analysis

The main forms of modern social and philosophical analysis are researched, hypotheses on its deepening and synthesis are researched.

Keywords: philosophy of history, operationalization, measurement, concept, denotat.